

Парадоксы русского эроса в романе Ф.М. Достоевского «Идиот»

Проанализирована любовная линия романа Ф.М. Достоевского «Идиот». В произведении свое художественное воплощение нашла стихия русского эроса, которая в эссе «Размышление об эресе» (1940) была осмыслена великим русским философом Н.А. Бердяевым как категория экзистенциальная. Взаимное любовное чувство Мышкина и Настасьи Филипповны было совершенным воплощением русского эроса: эротическое напряжение оплодотворено состраданием и мистическим переживанием родства душ. Отмечено, что трагический финал предопределен фатальной несовместимостью истинного, восходящего эроса с реальностью земного мира.

Ключевые слова: Ф.М. Достоевский, «Идиот», Н.А. Бердяев, «Размышление об эресе», русский эрос, любовь-жалость, русская литература XIX века.

The article is devoted to the analysis of the love story line of F. Dostoyevsky's novel "The Idiot". In the novel, the element of Russian eros found its artistic realization, that was comprehended by the great Russian philosopher N. Berdyaev in his essay "Reflection on Eros" (1940) as an existential category. The mutual love between Myshkin and Nastasya Filippovna was the perfect embodiment of Russian eros: the erotic tension here is fertilized by compassion and mystical experience of soulmates. The tragic ending is predetermined by the fatal incompatibility of the true, rising eros with the reality of earthly world.

Keywords: F.M. Dostoyevsky, "Idiot", N.A. Berdyaev, "Reflection on Eros", Russian eros, pity love, Russian literature of the 19th century.

Всех, кто читал черновые материалы Ф.М. Достоевского к его романам, конечно же, поражала мощная энергетика эроса, царящая на страницах. В процессе сочинительства она уходит в подводные глубинные потоки окончательных художественных текстов, то открыто прорываясь сквозь поверхностные слои, то проявляя себя в бурях страстей мощной магнитуды.

Замечательно, что даже главный герой романа «Идиот», отнюдь не Дон Жуан, не Казанова и тем более не Ловелас, а «положительно прекрасный человек» [1. Т. 28. Кн. 2. С. 251] и едва ли не «юродивый» [Там же. Т. 8. С. 14], оказывается предметом страстной любви двух первейших красавиц — Настасьи Филипповны и генеральской дочки Аглаи, а также юношеской влюбленности Веры Лебедевой, а сам он страстно влюблен в двух женщин почти одновременно. Мышкин действительно любит обеих: и Аглаю, и Настасью Филипповну. Причем вовсе не «христианской», бесплотной любовью, а по-земному. Один из персонажей романа — Евгений Павлович Радомский, человек умный и даже проникательный, — этого понять не может и останавливается в недоумении: «И как это любить двух? Двумя разными любвями какими-нибудь?» [Там же. С. 485]. Евгений Павлович, как всегда, почти прав: не совсем, конечно, двумя, но разными.

Любить можно для себя, а можно для другого. Настасью Филипповну Мышкин любит для нее: «За вами нужно много ходить, Настасья Филипповна. Я буду ходить за вами» [Там же. С. 142]. А вот Аглаю он любит для себя: «Для него составляло уже верх блаженства одно то, что он опять будет беспрепятственно приходить к Аглае, что ему позволят с нею говорить, с нею сидеть, с нею гулять, и, кто знает, может быть, этим одним он остался бы доволен на всю свою жизнь!» [Там же. С. 429]. Как ни парадоксально, но первая любовь оказалась сильнее второй: князь остается с Настасьей Филипповной.

Для западного читателя подавляющее большинство сюжетных поворотов и ходов любовной интриги представляется каким-то хаосом загадок, головоломок и парадоксов. Русскому человеку здесь, конечно, все близко и понятно.

Стихия русского эроса была осмыслена уже в XX в. Н.А. Бердяевым в «Размышлении об эресе» [2. С. 69–77]. В своем небольшом эссе великий русский философ-экзистенциалист начертил матрицу истинного любовного чувства, получившую художественное воплощение в романе Ф.М. Достоевского «Идиот».

Больше всего вопросов, недоумений и разноречивых толкований вызывает любовное чувство князя Мышкина. И вот первое. «Невинность» — важнейший элемент комплекса «положительно прекрасного человека». «СИНТЕЗ РОМАНА. Разрешение затруднений? Чем сделать лицо героя симпатичным читателю?.. Герой романа князь если не смешон, то имеет другую симпатичную черту: он! невинен», — записывает Достоевский в подготовительных тетрадях [1. Т. 9. С. 239]. Однако когда Достоевский пишет о «невинности» героя, не следует понимать это слишком буквально и однозначно. Возможны варианты: речь об эротической невинности князя вообще, или о том, что князь был «невинен» до сих пор (что очевидно: он был болен, жил уединенно), или же о «невинности» в смысле нравственно-философском. Скорее всего, последняя версия [3].

Сам Мышкин уже на первых страницах рекомендует себя как существо в сексуальном смысле «невинное»: «Я ведь по прирожденной болезни моей даже совсем женщин не знаю. <...> Я не могу жениться ни на ком: я нездоров» [1. Т. 8. С. 14, 32]. Многие исследователи принимают эти признания на веру [4; 5. С. 109–124; 6]. Однако его поведение явственно опровергает тезис о якобы неспособности любить женщину земной любовью. Мышкин чрезвычайно восприимчив к женской красоте. Увидев впервые портрет Настасьи Филипповны, он поражен именно ее красотой: «Удивительно хороша! — прибавил он тотчас же с жаром» [1. Т. 8. С. 27]. Затем, причем сначала оглянувшись по сторонам, целует портрет, а встретив саму Настасью Филипповну, вообще столбенеет. И, войдя в гостиную Епанчиных, обращает внимание прежде всего на красоту девиц. И вот еще замечательная деталь: в ответ на просьбу Гани Иволгина передать Аглае записку Мышкин отвечает: «Мне это не совсем приятно» [Там же. С. 67]. Читатель понимает, что князь к девушке уже в тот момент равнодушен. Существа бесполое, на «земную» любовь неспособные, так себя не ведут. По всем признакам поведение героя — это поведение влюбленного.

Но, как человек в делах любви неопытный, князь часто просто «не узнает» в себе признаки влюбленности. «Если бы кто сказал ему в эту минуту, что он влюбился (речь в данном случае о его чувствах к Аглае. — А. З.), влюблен страстную любовью, то он с удивлением отверг бы эту мысль и, может быть, даже с негодованием» [Там же. С. 301].

Здесь необходимо учитывать еще и уникальную особенность текста романа «Идиот» — вариативность в построении сюжета, убедительно проанализированную американским исследователем Г.С. Морсоном [7. С. 7–27; 8. С. 55]. Сочиняя роман «Идиот», Достоевский многократно менял, часто весьма радикально, план дальнейшего развития сюжета, а порой и концепцию образов героев. «Этот роман был написан, как проживается жизнь, вперед, а не назад от полного замысла целого» [7. С. 16]. Отсюда многочисленные нестыковки, неувязки и видимые алогизмы как в течении событий, так и в поведении героев. «Как показывают черновые материалы, — справедливо замечает итальянская исследовательница С. Сальвестрони, — “Идиот” написан так, что автор почти до самого конца не знает, что ждет его героев» [8. С. 55]. А между тем в целом произведение оказывается вполне законченным по внутренней логике развития как своей идеи и сюжета, так и характеров героев [7. С. 446–461]. Достоевский мог в процессе сочинительства менять концепцию образа героя, в том числе и его «невинности».

Но есть и причины более существенные. Формула «любовь-жалость» неизменно находится в фокусе рассуждений о сложностях и трагических перипетиях темы любви в романе: если «жалость», значит, это не любовь, а в любви нет места жалости — так обычно рассуждают и читатели, и критики. Вот в этом-то главная ошибка и заключается: настоящая любовь в понимании русского человека и есть «любовь-жалость». «Если любовь-эрос, — писал Н. Бердяев, — не соединяется с любовью-жалостью, то результаты ее бывают истребительные и мучительные. В эросе самом по себе есть жестокость, он должен смиряться с жалостью, caritas. Безжалостная любовь отвратительна. Отношение между любовью эротической и любовью каритативной, между любовью восходящей, притяжением красоты и высоты, и любовью нисходящей, притяжением страдания и горя в низменном мире, есть огромная и трудная тема» [2. С. 75]. В русском фольклоре пара

«жалеть» — «любить» издревле существовала как синонимичная. У В. Даля читаем: «...жалеть кого, о ком; скорбеть, сожалеть, болеть сердцем, сокрушаться о чем, печалиться; щадить, беречь, не давать в обиду» [9. Т. 1. С. 525]. Семантический оттенок «жалеть» — «презирать» появился и стал устойчивым только в XX в., в том числе с легкой руки М. Горького.

И самим Достоевским пара «жалеть» — «любить» воспринималась как пара синонимичная. Знаменателен в этом смысле один эпизод из истории отношений Анны Григорьевны, тогда еще Сниткиной, с Достоевским. Писатель, впервые пробуя заигрывать со своей юной стенографисткой, задает ей вопрос: «Какую же жену мне выбрать: умную или добрую?» Как прогрессивно мыслящая девушка своего времени, Анна Григорьевна ответила: «Конечно, умную». На что Достоевский возразил: «Ну нет, если уж выбирать, то возьму добрую, чтоб меня жалела и любила» [10. С. 25].

И в сердце Мышкина сострадание и страстное желание спасти родилось одновременно с восхищением и влюбленностью. «Удивительное лицо! — ответил князь. — И я уверен, что судьба ее не из обыкновенных. Лицо веселое, а она ведь ужасно страдала, а? Об этом глаза говорят, вот эти две косточки, две точки под глазами в начале щек. Это гордое лицо, ужасно гордое, и вот не знаю, добра ли она? Ах, кабы добра! Все было бы спасено!» [1. Т. 8. С. 31–32]. И чуть позже: «В этом лице... страдания много... — проговорил князь как бы невольно» [Там же. С. 69]. Восхищение красотой в любовном чувстве князя нераздельно со стремлением постичь тайну души любимой женщины, разгадать тайны ее души. А если душа больна и страдает, то сострадать и помочь.

Причем уже в начале романа Мышкин прекрасно понимает разницу между любовью-жалостью и просто жалостью. «Целую я ее не потому, что влюблен в нее, а потому, что мне ее очень жаль, — рассказывал князь историю бедняжки Мари, — вот в этом одном, во всю тамошнюю жизнь мою, я и обманул их. Я не разуверял их, что я вовсе не люблю Мари, то есть не влюблен в нее, что мне ее только очень жаль было» [Там же. С. 60–61].

И вот замечательная деталь: Мари «была собой не хороша» [Там же. С. 57], и князь не был влюблен в нее. А вот ослепительная красавица Настасья Филипповна ...

Есть у любовного чувства князя и еще один аспект — мистический. «Право, где-то я видела его лицо! <...> Что это, в самом деле, я как будто его где-то видела?» [Там же. С. 89] — в недоумении проговаривает Настасья Филипповна, как бы сама с собой размышляя. А Мышкин ей вторит: «Такою вас именно и вообразил... Я вас тоже будто видел где-то. <...> Я ваши глаза точно где-то видел... да этого быть не может! Это я так... Я здесь никогда и не был. Может быть, во сне... <...> Я давеча ваш портрет увидал, и точно я знакомое лицо узнал» [Там же. С. 89–90, 142].

Перед нами своеобразное дежавю, встреча родных душ, знавших друг друга когда-то раньше, еще до прихода в мир физический [5. С. 91–97]. «Эрос... — писал Н.А. Бердяев, — происходит из иного мира» [2. С. 70].

Изначально любовное чувство князя к Настасье Филипповне было совершенным воплощением русского эроса: эротическое напряжение здесь оплодотворено состраданием и мистическим переживанием *духовного смысла жизни* [Там же. С. 77].

С толь же полноценна и многомерна любовь к князю Настасьи Филипповны. Как ни странно это может прозвучать, но она его тоже жалеет: не может она, воспользовавшись его наивностью, «этакого-то младенца сгубить» [1. Т. 8. С. 142]. Ведь пойдя замуж за Мышкина, всю жизнь их бы преследовал шепот толпы: «Многие шептали друг другу, что ведь дело это самое обыкновенное, что мало ли на ком князь женятся — и цыганок из таборов берут. <...> Рассказывалось... о каком-то князьке и дурачке... получившем вдруг огромное наследство и женившемся на одной заезжей француженке, известной канканерке в Шато-де-Флёр в Париже» [Там же. С. 141, 150].

Она уверена, «что браком с ним составит его несчастье» [Там же. С. 490]. И все ее поведение — мучительные метания между любовью эгоистической и жертвенной. Отказаться от любимого для нее равносильно самоубийству — и она кидается к Рогожину, на его нож. Один из гостей

на званом вечере Настасьи Филипповны весьма проникательно сравнил ее отъезд с Рогожиным с «харакири» [Там же. С. 148].

Эти внешние, сюжетные метания героини имеют свою глубинную основу во внутреннем ее мире, где идет напряженнейший диалог между несколькими голосами-репликами о ней, а соответственно, о борьбе противоположных концепций ее личности [11. Т. 6. С. 261, 269–270, 286–287]. С одной стороны, это голос общества, в глазах которого она, безусловно, женщина «бесчестная». В этом качестве ее «торгуют»: вот уже выдают замуж «с приплатой», а начальник жениха дарит накануне предполагаемой свадьбы бриллиантовые серьги, и, наконец, является «идеал» ее бесчестия — разгулявшийся купчик с пачками денег. И тогда Настасья Филипповна убеждается окончательно, что никем, кроме как «рогожинской», ей не быть.

А между тем внутренний голос героини утверждает нечто прямо противоположное: что она ни в чем «не виновата». Это слово есть слово истины о Настасье Филипповне. Его она «внутри себя» знала давно и, веря в него, пыталась себя сохранить. Но, кроме нее самой, ее «внутреннего человека» не видит никто. Для всех, несмотря на «неприступное» поведение свое, она навсегда останется содержанкой Тоцкого, «дамой с камелиями», а разница между нею и Корали или Минной для окружающих лишь в том, что те — на сцене, а она — в бельэтаже. Ее «внутреннему человеку» нечем дышать.

И тут является Мышкин с его проникновенным словом [11. Т. 6. С. 269]: «Разве вы такая, какую теперь представлялись. <...> ...Я... я сочту, что вы мне, а не я сделаю честь. Я ничто, а вы страдали и из такого ада чистая вышли, а это много. <...> Я вас... Настасья Филипповна... люблю. Я умру за вас, Настасья Филипповна. Я никому не позволю про вас слова сказать, Настасья Филипповна... <...> ...Вы ни в чем не виноваты» [1. Т. 8. С. 99, 138].

Это *проникновенное слово* Мышкина — слово истины в романе и потому, что оно изначально поставлено в романе как «авторитетное» — по принципу *argumentum ad personam* [12. С. 96], и потому, что оно повторяет мечты самой Настасьи Филипповны. «Разве я сама о тебе не мечтала? Это ты прав, давно мечтала, еще в деревне у него, пять лет прожила одна-одинехонька; думаешь-думаешь, бывало-то, мечтаешь-мечтаешь, — и вот все такого, как ты воображала, доброго, честного, хорошего и такого же глупенького, что вдруг придет, да и скажет: “Вы не виноваты, Настасья Филипповна, а я вас обожаю!” Да так бывало размечтаешься, что с ума сойдешь...» [1. Т. 8. С. 144].

Однако этот прекрасный многомерный синтез *влюбленность — сострадание — мистическое сродство душ* в сердцах Мышкина и Настасьи Филипповны распался на составлявшие его элементы. Более того, любовь и жалость у Мышкина оказались относительно друг друга в оппозиции: «Я ведь тебе уж и прежде растолковал, — объяснял он Рогожину в свой второй приезд в Петербург, — что я ее “не любовью люблю, а жалостью”. Я думаю, что я это точно определяю» [Там же. С. 173].

А ведь раньше князь их друг другу не противопоставлял.

Что же за это время случилось? На этот примерно шестимесячный период пребывания Мышкина, Настасьи Филипповны и Рогожина в Москве исследователи обращают особое внимание [7. С. 14, 29–30; 13; 14]. И прежде всего на то, что информация обо всем там случившемся крайне разрозненная, фрагментарная, а главное, недостоверная. А между тем перемены, с героями происшедшие, разительны. Английская исследовательница С. Янг называет этот отрезок времени периодом *активного отсутствия* [7. С. 39]. В Мышкине за эти полгода изменения во внешности произошли скорее положительные, а вот его внутренний мир явно деградировал: он стал «разбросан» [1. Т. 16. С. 240] и «неблагообразен»: нетерпелив, рассеян, раздражителен, «вскидчив», все более мнителен, и его все чаще посещают «двойные мысли». Одним словом, начался процесс распада личности «вполне прекрасного человека».

Главная причина в том, что Мышкин не выдерживает наплыва человеческого страдания, обрушившегося на него. «ИДИОТ ВИДИТ ВСЕ БЕДСТВИЯ. БЕССИЛИЕ ПОМОЧЬ» [Там же. Т. 9. С. 241], —

записывает Достоевский. Эта фраза становится трагическим лейтмотивом романа. Образ князя Мышкина родился у Достоевского на сломе: замысел романа о «вполне прекрасном человеке» и «испытании» идеи об Иисусе — не Богочеловеке, но просто человеке, реально существовавшем в истории. В «Идиоте» Достоевский организует грандиозное испытание идеи о человекобоге — не Богочеловеке: может ли человек (не Бог), будь он даже «положительно прекрасен», спасти других людей и при этом сохранить себя — не физическую жизнь свою и тело, но духовное ядро личности? Сможет ли остаться *спасителем*, не став жертвой? Не обречен ли человек — не Бог — сам низвергнуться в бездну распада? Писатель вскрывает причины неизбежного краха такой личности, первая из которых — несовершенство любой человеческой личности, моральная и физическая слабость ее [15].

Одним из сильнейших катализаторов процесса распада гармоничного целого личности «вполне прекрасного человека» стали события в его отношениях с Настасьей Филипповной.

А произошло то, что в тот загадочный «московский» период (когда они были то ли «в одних комнатах целый месяц» [1. Т. 8. С. 359], то ли порознь, что остается непроясненным, очевидно в силу «процессуальности» сочинения романа) он доподлинно убедился, что она сумасшедшая. *«Недоставало слов, которые могли бы выразить ужас; да, ужас! Он теперь, в эту минуту, вполне ощущал его; он был уверен, был вполне убежден... что эта женщина — помешанная. Если бы, любя женщину более всего на свете или предвкушая возможность такой любви, вдруг увидеть ее на цепи, за железную решеткой, под палкой смотрителя, — то такое впечатление было бы несколько сходно с тем, что ощутил теперь князь»* [Там же. С. 289].

Это жуткое видение — то в виде воспоминания, то в виде сна — преследовало Мышкина и уничтожило его любовь. Рогожин это почувствовал сразу: *«Аль уж совсем ее разлюбил?»* [Там же. С. 177]. И повествователь так передает переживания Мышкина: *«...ему, князю, любить страстно эту женщину — почти невысказано, почти было бы жестокостью, бесчеловечностью»* [Там же. С. 191]. Исследователи (например, Т. Киносита) часто видят в этом отрывке доказательство того, что герой не был влюблен в Настасью Филипповну. Но ведь это чувства Мышкина уже после того, как он распознал в ней сумасшедшую.

Эта сумасшедшая женщина, которую он увидел наяву, а потом она постоянно являлась ему в кошмарах, была совсем не та Настасья Филипповна, портрет которой князь целовал в начале романа: *«...пришла к нему женщина; он знал ее, знал до страдания; он всегда мог назвать ее и указать, — но странно, — у ней было теперь как будто совсем не такое лицо, какое он всегда знал, и ему мучительно не хотелось признать ее за ту женщину. В этом лице было столько раскаяния и ужаса, что казалось — это была страшная преступница и только что сделала ужасное преступление. Слеза дрожала на ее бледной щеке»* [Там же. С. 352].

На место страдания в лице пришел неистребимое и потому безумное мучительное раскаяние в каком-то ужасном преступлении, которого она не совершала. Все это свидетельствует о том, что любовное чувство князя Мышкина к Настасье Филипповне сначала было отнюдь не бесплотным, чисто христианским, а вполне земным. Согласитесь, что любить по-христиански можно и сумасшедшую женщину. А у Мышкина после страшного видения любимой женщины в клетке для психически больных гармонический синтез каритативной любви распался на две составляющие — любовь и жалость: только жалость к Настасье Филипповне и влюбленность в Аглаю.

Причины распада синтеза любовного чувства в душе героини еще драматичнее. Ее помешательство свершилось гораздо раньше, чем его заметил князь, — на вечере в честь ее двадцатипятилетия. Тогда произошла стремительная смена концепций собственного «я»: от благопристойно-аморальной *Тоцкого — Епанчина — Гани Иволгина*, в которой Настасья Филипповна жила до тех пор, до откровенно безобразной, «рогожинской» — и вдруг долгожданной, истинной Мышкина. Столь радикальных и резких, моментальных перемен душа челове-

ческая выдержать не в состоянии: «Все утверждали потом, что с этого-то мгновения Настасья Филипповна и помешалась» [1. Т. 8. С. 140]. Слово истины является слишком поздно, у героини уже нет душевных сил в него поверить — и она бросается в ложь о себе.

Для большинства авторов Настасья Филипповна — инфернальница, женщина гордая и свободолюбивая. Она находит особое наслаждение в моральном самоистязании, а соответственно, в мучительстве других. Т. Киносита даже находит в героине черты «подпольного человека» [5. С. 51–56]. Г. Ермилова, размышляя о причинах неуспеха князя в спасении окружающих, приходит к выводу: «Нет энергии ответного “жеста”. Безэнергичность Настасьи Филипповны в этом отношении потрясающая» [7. С. 459]. Чешский ученый З. Пехал — единственный, кажется, автор, который отметил *интеллигентность и тонкость душевной организации* Настасьи Филипповны [16. С. 139].

Именно поэтому не может она забыть позор и оскорбление, пережитые ее полудетским еще организмом, спокойно перешагнуть через свое бесчестие и, воспользовавшись невинностью и наивностью любимого человека, радостно, но с кротостью и смирением устремиться к счастливой семейной жизни. Ее благородная душа на такую низость не способна. И Настасья Филипповна пытается устроить счастье любимого с другой.

Другой образчик русского эроса в романе — Рогожин. Обычно (например, И.Р. Ахундова) этого персонажа представляют воплощением «духа злого» [7. С. 364–389]. Демонический подтекст образа — безусловно, чрезвычайно значимая его составляющая, однако далеко не все определяющая. Трагический парадокс в том, что Рогожин искренне любит Настасью Филипповну, хотя, конечно, по-своему: грубо и прямолинейно, чисто по-купечески добивается ее, в то же самое время исключительно тонко понимая и ее душевное состояние, и страдание, глубочайшее отчаяние. Мотив внутреннего взаимопонимания подспудно сопровождает всю историю отношений героев. «Он вас очень любит» [1. Т. 8. С. 141], — говорит Мышкин Настасье Филипповне как бы в оправдание безобразного поведения Рогожина, когда тот врывается в гостиную в день ее именин с пачкой денег в 100 тысяч. Но эту истину об отношении Рогожина к Настасье Филипповне видит и понимает один только Мышкин.

Эта любовь возвышает душу Рогожина. И здесь стоит обратить внимание на значение имени героя. В своих рассуждениях на эту тему исследователи почему-то более склоняются к *рогожскому кладбищу* [7. С. 367; 17. С. 72; 18. С. 213], забывая о прямом значении: «Рогожа, рог’ожа, -и, ж. Грубый плетеный из мочала материал для упаковки» [19]. Любовь возвышает душу Рогожина, рождая вопросы и переживания, ранее ей неведомые. «Мне на мысль пришло, что если бы не было с тобой этой напасти, не приключилась бы эта любовь, так ты, пожалуй, точь-в-точь как твой отец бы стал» [1. Т. 8. С. 178], — говорит Мышкин. И до последнего момента продолжает верить в то, что любовь к Настасье Филипповне облагородит Рогожина и возродит в конце концов в нем истинного человека. Потому-то так радуют его «человеческие» моменты в общении Настасьи Филипповны и Рогожина. Но в то же время он предчувствует, что все кончится «ножом».

Настасья Филипповна навязывает Рогожину и слово о себе как о «бесчестной», и соответствующее отношение к себе. В конце концов сама героиня толкает Рогожина на убийство, каждым своим поступком утверждая «рогожинское» начало и его, и собственной природы.

Настоящую любовь Рогожина, скрытую под «рогожинской» оболочкой, Достоевский показал одной выразительнейшей деталью: над трупом Настасьи Филипповны, убив ее, Рогожин вспоминает не о том, какую боль она ему причиняла (об этом он много говорил, пока она жива была), а как была она великолепна: «Офицера-то, офицера-то... помнишь, как она офицера того, на музыке, хлестнула, помнишь, ха ха, ха! Еще кадет... кадет... кадет подскочил...» [Там же. С. 506].

И в Рогожине борются два противоположных голоса его природы: мнение окружающих, которые не видят в нем ничего, кроме безобразной страсти, ее-то и усваивает Настасья Филипповна, и голос его настоящей, нежной и любящей души, воплощенной в слове Мышкина.

Исследователи обращают внимание на жест Рогожина у трупа Настасьи Филипповны: «...нежно и восторженно взял его (князя. — А. З.) за руку, приподнял и подвел к постели» [Там же. С. 505]. Некоторые авторы считают этот жест иконографичным [см.: 7. С. 448]. Его смысл представляется более приземленным, зато глубоко психологичным: это жест жениха, ведущего новобрачную к брачному ложу. В помутившемся сознании несчастного, убившего обожаемую им женщину, произошло жутковатое замещение: он ставит на ее место своего «побратима» Мышкина — человека, которого она любила так же, всем сердцем и душой, как сам Рогожин ее.

В финале «Идиота» двое — Мышкин и Рогожин — вновь (уже окончательно!) сойдутся, как «братья», над трупом Настасьи Филипповны в общем ужасе от совершившегося, в единой любви к ней, в едином сострадании и ей, и друг другу. Этот нож Мышкин остановить уже не смог. Но он продолжает делать то единственное, что может: «Рогожин... начинал вскрикивать и смеяться; князь протягивал к нему тогда свою дрожащую руку и тихо дотрагивался до его головы, до его волос, гладил их и гладил его щеки... больше он ничего не мог сделать!» [1. Т. 8. С. 506].

Так же гладил он раньше по головке Настасью Филипповну: князь сидел подле нее,

не отрываясь, смотрел на нее, и гладил ее по головке и по лицу обеими руками, как малое дитя. Он хохотал на ее хохот и готов был плакать на ее слезы. Он ничего не говорил, но пристально вслушивался в ее порывистый, восторженный и бессвязный лепет, вряд ли понимал что-нибудь, но тихо улыбался, и чуть только ему казалось, что она начинала опять тосковать или плакать, упрекать или жаловаться, тотчас же начинал ее опять гладить по головке и нежно водить руками по ее щекам, утешая и уговаривая ее, как ребенка [Там же. С. 475].

Все трое — Мышкин, Настасья Филипповна, Рогожин — соединены союзом любви — эротической и просто человеческой, братской. Причем это любовь истинная. Так почему столь трагичен финал? Думается, именно потому, что эта любовь настоящая. Н.А. Бердяев, который понимал эрос как феномен экзистенциальный, писал: «Любови присущ глубокий внутренний трагизм, и не случайно любовь связана со смертью. <...> Любовь, в сущности, не знает исполнявшихся надежд» [2. С. 77]. Трагический финал романа предопределен фатальной несовместимостью истинного, восходящего эроса с реальностью земной жизни.

Тайна русского эроса, как показал Достоевский, в том, что это феномен многомерный и многогранный, здесь все «берега сходятся, тут все противоречия вместе живут. <...> Тут дьявол с Богом борется, а поле битвы — сердца людей» [1. Т. 14. С. 100]. Здесь парадоксальным образом сочетается несоединимое: любовь с ненавистью, мучительством и жертвенностью, нежностью и жестокостью, рыцарственностью и страстью. Русский эрос неизменно трагичен и устремлен к смерти.

Литература

1. Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л., 1972–1990.
2. Бердяев Н.А. Размышление об эросе // Самопознание / Н.А. Бердяев. М., 1990. С. 69–77.
3. Злочевская А.В. Гуманистический идеал Просвещения и образ князя Мышкина в романе Ф.М. Достоевского «Идиот» // Филологические науки. 1989. № 2. С. 18–25.
4. Касаткина Т.А. «И утаил от детей...». Причины непроницательности князя Льва Мышкина // Ф.М. Достоевский и мировая культура. М., 1995. С. 48–53.
5. Киносита Т. Антропология и поэтика творчества Ф.М. Достоевского. СПб., 2005.
6. Левина Л.А. Некающаяся Магдалина, или Почему князь Мышкин не мог спасти Настасью Филипповну // Ф.М. Достоевский и мировая культура. М., 1994. С. 97–118.
7. Роман Ф.М. Достоевского «Идиот»: современное состояние изучения. М., 2001.

References

1. Dostoevsky F.M. Poln. sobr. soch.: v 30 t. Leningrad, 1972–1990.
2. Berdyayev N.A. Razmyshlenie ob erose // Samopoznanie / N.A. Berdyayev. Moscow, 1990. S. 69–77.
3. Zlochevskaya A.V. Gumanisticheskii ideal Prosveshcheniia i obraz kniazia Myshkina v romane F.M. Dostoevskogo "Idiot" // Filologicheskie nauki. 1989. No. 2. S. 18–25.
4. Kasatkina T.A. "I utail ot detei...". Prichiny nepronitsatel'nosti kniazia L'va Myshkina // F.M. Dostoevskii i mirovaia kul'tura. Moscow, 1995. S. 48–53.
5. Kinosita T. Antropologiya i poetika tvorchestva F.M. Dostoevskogo. St. Petersburg, 2005.
6. Levina L.A. Nekaiushchiasia Magdalina, ili Pochemu kniaz' Myshkin ne mog spasti Nastas'iu Filippovnu // F.M. Dostoevskii i mirovaia kul'tura. Moscow, 1994. S. 97–118.
7. Roman F.M. Dostoevskogo «Idiot»: sovremennoe sostoianie izucheniia. Moscow, 2001.

8. *Сальвестрони С.* Библиейские и святоотеческие источники романов Достоевского. СПб., 2001.
9. *Даль Вл.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М., 1989.
10. *Достоевская А.Г.* Мой муж — Федор Достоевский. Жизнь в тени гения. М., 2018.
11. *Бахтин М.М.* Проблемы поэтики Достоевского // Собр. соч.: в 7 т. / М.М. Бахтин. Т. 6. М., 2002. С. 7–300.
12. *Ветловская В.Е.* Роман Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы». СПб., 2007.
13. *Danow D.* The dialogic sign: Essays on the major novels of Dostoevsky. New York: Peter Lang, 1991. P. 55–68.
14. *Turner C.J.G.* Between part 1 and part 2 of “The Idiot” // Slavonic and East European Review. 1987. Vol. 65, No. 4. P. 517–536.
15. *Злочевская А.В.* «Идеал Христов» в подтексте образа «прекрасного героя» Ф.М. Достоевского и М. Булгакова (князь Мышкин — Иешуа Га-Ноцри) // Ф.М. Достоевский и мировая культура. М., 2012. С. 203–237.
16. *Pechal Z.* Fenomén živlu v ruské literatuře: monografie. Olomouc, 2011.
17. *Альтман М.С.* Достоевский. По векам имен. Саратов, 1975.
18. *Назирова Р.Г.* О прототипах некоторых персонажей Достоевского. Генезис Рогожина // Достоевский: материалы и исследования. Л., 1974. Т. 1. С. 212–219.
19. *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. М., 1992. URL: ozhegov.slovaronline.com (10.07.2021).
8. *Salvestroni S.* Bibleiskie i sviatootcheskie istochniki romanov Dostoevskogo. St. Petersburg, 2001.
9. *Dhal Vl.* Tolkovyi slovar' zhivogo velikoruskogo iazyka: v 4 t. Moscow, 1989.
10. *Dostoevskaya A.G.* Moi muzh — Fedor Dostoevskii. Zhizn' v teni ge-niia. Moscow, 2018.
11. *Bakhtin M.M.* Problemy poetiki Dostoevskogo // Sobr. soch.: v 7 t. / M.M. Bakhtin. T. 6. Moscow, 2002. S. 7–300.
12. *Vetlovskaya V.E.* Roman F.M. Dostoevskogo “Brat'ia Karamazovy”. St. Petersburg, 2007.
13. *Danow D.* The dialogic sign: Essays on the major novels of Dostoevsky. New York: Peter Lang, 1991. P. 55–68.
14. *Turner C.J.G.* Between part 1 and part 2 of “The Idiot” // Slavonic and East European Review. 1987. Vol. 65, No. 4. P. 517–536.
15. *Zlochevskaya A.V.* “Ideal Khristov” v podtekste obraza “prekrasnogo geroia” F.M. Dostoevskogo i M. Bulgakova (kniiaz' Myshkin — Ieshua Ga-Notsri) // F.M. Dostoevsky i mirovaia kul'tura. Moscow, 2012. S. 203–237.
16. *Pechal Z.* Fenomén živlu v ruské literatuře: monografie. Olomouc, 2011.
17. *Altman M.S.* Dostoevsky. Po vekham imen. Saratov, 1975.
18. *Nazirova R.G.* O prototipakh nekotorykh personazhei Dostoevskogo. Genezis Rogozhina // Dostoevsky: materialy i issledovaniia. Leningrad, 1974. T. 1. S. 212–219.
19. *Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu.* Tolkovyi slovar' russkogo iazyka. Moscow, 1992. URL: ozhegov.slovaronline.com (10.07.2021).

Злочевская Алла Владимировна,
доктор филологических наук,
старший научный сотрудник филологического факультета
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Zlochevskaya Alla V.,
Doctor of Philology,
Senior Researcher of the Philology Faculty
Lomonosov Moscow State University

e-mail: zlochevskaya@mail.ru

